

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

Диалоги хорошо вести за чашкой чая. Мы с Павлом Владимировичем Крашенинниковым сидели друг напротив друга в его домашнем кабинете. За окнами перемигивались огоньками переулки вечерней Москвы. Из гостиной доносились невнятные обрывки новостных репортажей. Огромная страна начинала пробуждаться от новогодней праздничной спячки далеким гулом нарастающего потока машин на проспектах первопрестольной. 2017 год начинал свой поход в неизведанное будущее. А мы, как два пилигрима перед посадкой на корабль, который готов к выходу в бушующее море, мирно попивали чаек с сухариками и рассуждали о судьбе человека.

– Что приходит на Ваш ум как определение судьбы?

– Кирпич никому на голову просто так не падает..., – легко ответил Крашенинников, помешивая ложечкой в чашке. – Булгаков, если не ошибаюсь.

– *«Мастер и Маргарита»*. Действительно, с прояснения судьбы начинается роман, сцена на Патриарших прудах. Воланд спорит с Берлиозом о предопределенности событий и перебивает композитора, который уверен, что знает свои планы на остаток вечера: *«Кирпич ни с того ни с сего никому и никогда на голову не свалится. В частности же, уверяю вас, вам он ни в коем случае не угрожает. Вы умрете другой смертью»*.

Профессор Алексей Ильич Осипов, знакомством с которым я горжусь, видит свободу человека в выборе жития по заповедям Христа или в отказе от них. А для православного взгляда второе означает обрушение в союз с врагом человеческим

и непременно страдания. Что, собственно, с Берлиозом и случилось. Фокус в том, что христиане не верят в судьбу, а предпочитают искать промысел Божий и опираться на него.

Крашенинников откусил кусочек сухарика. В богословский спор он втягиваться не спешил.

– Сложный вопрос. Очевидно, что русская культура основывается на христианской системе ценностей, на христианской доктрине. Систему образов и кодов Сергея Есенина трудно воспринять, если ты как минимум не знаком с годичным православным календарем и народными праздничными обрядами. Хотя это замечание относится и к западной культуре, которая пропитана христианством. Вспомним, хотя бы постоянно апеллирующий к Ветхому завету «Моби Дик» Германа Мелвилла.

Но если говорить о философии русского права, что я могу себе позволить, как профессиональный юрист и историк права, сказать, – заметил Крашенинников, – что русская правовая культура – это не только отражение христианского видения, но одновременно и античная философия отношения к человеку и миру. Если упрощать до предела, то я бы сказал, что культура и право – словно две школы – церковно-славянская и классическая. Для последней характерно античное отношение к судьбе. Где предопределенность, неизбежность событий является основой понимания будущего. Хотя бы с точки зрения неотвратимости наказания за преступления.

Вспомни, гомеровские Айса и Мойра своим космическим жребием предопределяют судьбу не только человека, но даже верховных богов – Посейдона, Зевса, Аида, и те жребий принимали: «На трое все разделено было, и каждый получил свою долю».

Реальной русское сознание, отношение к судьбе – это сложное переплетение православной свободы спасения и одновременно подчиненности року, судьбе. Но едва ли приходится дивиться такой сложности русской национальной души, если вспомнить определение современного россиянина, данное Александром Зиновьевым: мы уникальный гибрид православия, советскости и западнизма. И это не является нашим недостатком, а есть наша сила. По Зиновьеву.

– Я бы не стал, Павел Владимирович, преувеличивать приверженность фатализму современного россиянина. То, что в пословицах типа «кому суждено быть повешенным – не утонет» звучит как мрачный фатализм, может оказаться и простым жизненным установлением, своего рода духовной практикой, позволяющим перетерпеть, пережить мучительные события в жизни. Дальше-то ведь русский человек приговаривает «не так страшен черт как его малюют» и «глаза боятся, а руки делают». И идет дальше, делая свое дело.

Куда более существенный водораздел в отношении к судьбе и предопределенности жизни мне видится в двух разных конфессиональных системах – в индуистской и в христианской. Деяния человека – действенный инструмент для корректировки будущих перерождений и в то же время страшное обременение – для индуиста. А мы, европейцы, живем предвидя свой жизненный путь как уникальный, разовый. А дальше видится очередной перекресток. Ортодоксальные либералы прекращение земного бытия и свободу от несуществующего для них Бога понимают как разрешение на максимальную личную свободу в пределах двух дат – рождения и смерти, без всякого рода обязательств перед народом и историей, перед семьей и судьбой. А люди верующие, самых разных конфессий, ощущают ответственность за будущее после смерти. С тем и живем...

Пилигримы начали свой путь. Равно как началась эта книга, разворачивая перед читателями судьбу нашего современника – Павла Владимировича Крашенинникова, относимого многими к категории великих российских правоведов. Правда, сам он с такой оценкой своего вклада в юриспруденцию категорически не согласился. Мы поспорили, но я настоял на праве иметь свое мнение.

Этот текст возник на основе моего личного диалога с Павлом Владимировичем. Сначала движимый банальным любопытством к жизни этого весьма закрытого для общения человека – и в силу его понятной занятости, и в силу откровенной не любви к публичности, я пытался понять феномен исторической личности, приобщенной к великим событиям России.

Затем замысел книги стал претерпевать серьезные трансформации.

Чем предопределена судьба человека, его жизненные и политические устремления? Можно ли уверенно определить истоки взлета к вершинам власти человека из простой уральской семьи, из провинциальной глубинки, вся история которой отрицает на корню всякого рода предположения о каких-либо связях или предопределенности судьбы. Или эта предопределенность была задана историческими корнями и тем, что мы называем движением рода, накоплением истории успеха, который теплится поколениями обычной жизни и вдруг переживает невиданный взрыв личной успешности? Каким прихотливым замыслом судьбы студент магнитогорского техникума стал министром правительств Евгения Максимовича Примакова и Виктора Степановича Черномырдина, более того – их учеником и соратником? Где и кем были заложены в этого человека силы и знания, позволившие ему создать систему современного российского права? Кто сформировал этот уральский характер, позволивший спорить с Борисом Николаевичем Ельциным?

Для ответа на эти вопросы нужна история времени, захваченная как можно глубже, нужен портрет самого человека, без прикрас и сторонних пересказов – напрямую. Нужна личность. Вот, собственно, изучение личности Крашенинникова и стало предметом наших многочасовых бесед, которые протекали мирно в самых разных местах. В московской квартире Павла Владимировича. В его рабочем кабинете в Государственной Думе России, что располагается на Охотном ряду. В Екатеринбурге, где мы находили время для разговоров на улице, в баре гостиницы «Хайят» и, бог знает, где еще.

Я, что называется, лез под кожу. Крашенинников старался не сказать лишнего – человек он предельно корректный. Но мне удалось получить доступ к семейному фотоархиву Крашенинникова, и многие фотографии публикуются впервые. Впервые же в книге публикуются воспоминания его мамы, родственников, записанные в разные годы. Впервые предпринята попытка генеалогического исследования рода Крашенинниковых, а в этой истории, поверьте мне, есть достойные для внимания сюжеты.

Это первая в России книга, целиком посвященная Павлу Владимировичу Крашенинникову. Наполненная достоверной информацией от первого лица и личными замечаниями героя издания. Достичь доверия, которого я в ходе работы над текстом постарался ни в коем случае не разрушить, мне помогли наши общие уральские корни. Мы понимаем друг друга с полуслова.

Мы оба родились на Урале в один год – в 1964. Уральский характер, заложенный в нас, предопределяет своеобразную сдержанность – уральцы, как известно, «говорят, не разжимая губ». Уральский характер – это причудливая смесь природной интеллигентности, которую некоторые принимают за суровость, и неизбежного цинизма, вызванного необходимостью жить в трудных условиях, и очевидного идеализма порядочных людей, не слишком серьезно воспринимающих формальности, а превыше всего ставящих красоту человеческих отношений. Уральцы говорят – «мы относимся к человеку не по паспорту». И вся острожная история освоения Урала старых и современных времен тому дает объяснение.

Урал, а значит и уральцы, к коим мы с Крашенинниковым относимся в полной мере, продукт уникальной прививки петровской цивилизации на Уральских горах. Волею Петра Первого россияне самых разных национальностей двинулись осваивать Уральские горы. Находили в тайге месторождения руд и камней, ставили заводы и города вокруг. Приходили не только вольными людьми, но и этапами – и в старые времена и в новые. Уральцы – действительно суровые люди, и их можно понять.

Характерный пример – отношение Крашенинникова к интернету. Обычно невозмутимый Павел Владимирович, прошедший в Государственной Думе отличную школу психологической стойкости, буквально взбесился, когда я, встретившись с ним в первый раз, задал наивный вопрос – служил ли он в армии, держа перед собой его биографию, почерпнутую из Википедии. Оказалось – служил. И в хоккей играл. Что Википедия отрицала.

«Как можно не играть в хоккей, живя в Магнитогорске», – гневно вопрошал меня Крашенинников, размахивая цитатой из интернет-статьи небрежного журналиста, обвинившего его в незнании хоккея. Уж не помню по какому поводу случилась вся эта история – но пример характерен для описания его личности.

Обрушимся в причудливый водоворот русской истории трех последних веков – с великими и неизвестными именами, значимыми и ничтожными событиями – через судьбу одного рода, одного человека. Проясняя для себя предопределение судьбы и «роли личности в истории». Это так по-русски – задаваться вопросами «что делать» и «как правильно жить». Ответом послужит реальная история реального русского человека начала XXI века.

Павел Крашенинников. 1969

ВСТАТЬ РАНЬШЕ – ШАГНУТЬ ДАЛЬШЕ

Верное впечатление от человека при первом знакомстве определяется двумя вещами. Есть, правда, еще одно, пресловутое «встречают по одежке, а провожают по уму». Но эта экспертиза в реальной жизни зачастую дает сбой.

Вернее будет понять человека по его отношению к труду. К своему прежде всего. Чужой труд люди оценивают как в ломбарде. Выяснить, как Павел Крашенинников работает тем более важно, что он пример человека, который «сам себя сделал».

Рождение в уральском Полевском в семье строителей-монтажников если что и заложило в основу будущей карьеры министра юстиции России и в последствии ключевой фигуры Государственной Думы страны, так прежде всего качество человеческой природы.

«Скажи мне кто твои друзья, и я скажу кто ты». Этот тезис опровергает только тот, кто не может сказать: «И тут мы с Черномырдиным в баньку поехали...». Крашенинников сказать так может, хотя его явно покорибил мой вопрос о баньках с председателями правительства России – он работал с Кириенко, Черномырдиным, с Примаковым.

«Это же не главное. После работы отчего же и в баньке не попариться...».

И еще одно, встретившись с Павлом Крашенинниковым в центре Екатеринбурга возле памятника Татищеву и де Генину, я поразился несходству впечатлений, которые оставляют его многочисленные фотографии в газетах, с реальным Крашенинниковым. На фотографиях – светлый человек с большим лбом философа и какой-то старорежимной интеллигентской бородакой.

В жизни передо мной стоял высоченный мужик с сильными руками, поглядывая на меня сверху вниз умными глазами. Стало ясно, что интеллигент-то он интеллигент, и лоск столичный приобрел, но что вышел из уральской глубинки и прошел службу в армии, гоняя на многотонном автомобильном кране, и что в карман за острым словцом не полезет, а при случае и в ухо дать может – стало ясно со всей очевидностью.